

ЭТИКА И ПРАВО: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА

© 2011 г. Юрий Геннадьевич Марков¹

Известно, что этика – учение о нравственности. Нравственные нормы (в отличие от правовых) появляются не в результате принуждения, а как результат выбора поступков, который запоминается и передается из поколения в поколение, если оказывается удачным с точки зрения сохранения социальной системы. Известно также, что эти нормы не нуждаются в юридической поддержке, а сами становятся ориентирами формирования права. В “Философском энциклопедическом словаре” этику определяют как философскую науку, объектом изучения которой является мораль. Причем мораль и нравственность обычно рассматривают как синонимичные понятия. Рассуждения о связи этики и права могут показаться не только необычными, но даже излишними, особенно если подходить к этому вопросу с позиции так называемого позитивного права. Не следует, впрочем, забывать, что человек, вступивший в правовые отношения с другими людьми, остается также носителем моральных ценностей.

Нравственность человека определяется данной ему в процессе воспитания привычкой следовать принципам справедливости и честности, быть добродетельным, ответственным, скромным, блюсти свое достоинство и честь, уважая других людей, поступать в соответствии с чувством совести и долга, быть готовым всегда прийти на помощь другому человеку. Нравственный человек не должен мириться с проявлениями корыстолюбия, лживости, подлости, эгоизма, чванливости, жестокости и садизма. Нормы морали возникают в обществе раньше каких-либо юридических законов, являясь естественными регуляторами поведения, которые обуславливают внутреннюю прочность и устойчивость социальной системы, её адаптивные возможности по отношению к окружающей природной среде. Возникшая затем система правовых норм уже не может существовать отдельно от ценностей этики. Более того, эти ценности обязаны пронизывать всю правовую систему. Синтез этого рода позволяет говорить о феномене естественного права.

В юридической этике изучают нравственные начала осуществления правосудия, этические требования к судебным прениям, уголовно-процессуальному доказыванию, осуществлению следственных действий². Однако не менее важно изучать нравственные основы государства и права, в том числе этику самих юридических нормативных актов, поскольку они претендуют на защиту прав и интересов людей. Известный юрист М.С. Строгович писал, что всякое решение, принимаемое органами государства, “должно быть законно и справедливо; более того, законным может быть только справедливое решение, несправедливость не может

быть законной”. Этика закона столь же важна, как и этика деятельности самого юриста.

Трудность заключается в том, что нравственное содержание правовых норм во многих случаях оказывается скрытым (или, как говорят юристы, латентным), незаметным для нашего взора и даже для взора специалистов в области юридической этики. Между тем государство и его правовые институты следует считать ответственными за состояние нравственного климата в обществе. В феврале 2005 г. в Московской государственной юридической академии состоялась Международная научная конференция “Нравственные основы теории государства и права”³, на которой много говорилось о выработке правовых идеалов, согласующихся с принципами нравственности. На конференции высказывались, в частности, опасения, что нынешняя власть в России утрачивает доверие населения и по сути дела становится нелегитимной, а это чревато социально-политическими катаклизмами. Однако этические основания ныне действующих правовых норм, включая конституционные, к сожалению, на конференции во многих докладах остались за кадром.

Мы не отдаем себе отчета в том, что частная и государственная формы собственности (ст. 8 и 9 Конституции РФ) основаны на отчуждении трудового потенциала граждан и, таким образом, сопряжены с нарушением принципа справедливости, поскольку делают труд человека наемным. В итоге человек может рассматриваться всего лишь как трудовой ресурс, о чем в свое время много говорилось и писалось. Известно, что поиски “социализма с человеческим лицом” так и не увенчались успехом. А капитализм и вовсе разрешил беспрепятственно обогащаться за чужой счет, осложнил существование многих людей, расширяя ареалы бедности и нищеты, всячески оберегая оазисы богатства и роскоши, делая жизнь практически всех людей бездуховной и плохо защищенной от несправедливости. Причастно ли к этому право? Несомненно. Мы вправе сегодня говорить о постепенной утрате нравственного потенциала юридической науки и даже о её безразличии к социокультурным основам общественной жизни. О каком правовом государстве может идти речь (ст. 1 Конституции РФ), если защита прав и интересов человека со всеми его нравственными установлениями становится не только невозможной, но даже не нужной? Конституционное положение о формах собственности фактически представляет собой “черную дыру” в нынешнем законодательстве, в которую через механизм приватизации втягиваются общенародные ценности, лишая людей их исконных прав на все, что создается совместным трудом и природой.

Обращает на себя внимание такой факт. Мы ничего не делаем для внесения в законодательство идеи гражданской (цивильной) собственности, о которой много писали в свое время проф. В.С. Нерсисянц и другие исследователи.

¹ Ведущий научный сотрудник сектора общей теории государства и права Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук, профессор (тел.: (383) 330-25-67).

² См., например: Кобликов А.С. Юридическая этика. Изд. 2-е. М., 2004.

³ См.: Кроткова Н.В. Нравственные основы теории государства и права (Международная научная конференция) // Гос. и право. 2005. № 8. С. 91–110; № 9. С. 87–103.

Речь идет по сути дела об общей долевой (кооперативной) собственности, причем не только на природные ресурсы и объекты с их природной рентой, но и на средства производства. Конституция РФ дает слишком упрощенную классификацию форм собственности. Между тем, как справедливо отмечалось в литературе, отношения кооперативной собственности целесообразно было бы выделять в качестве особого типа собственности⁴. Проблема развития кооперативных хозяйств, в которых человек обретал неотчуждаемое право на собственный трудовой потенциал, на свои интеллектуальные и творческие способности, почему-то не заинтересовала российскую политическую элиту и не нашла отражения не только в законотворческой деятельности, но даже в теоретических исследованиях по вопросам государства и права. И это несмотря на совершенно удивительные примеры (взять хотя бы так называемую систему М. Чартаева⁵, реализованную на основе кооперативной модели хозяйства и успешно осуществленную в свое время в некоторых районах Дагестана).

Мы печемся о правах и свободах человека (гл. 2 Конституции РФ), пренебрегая тем обстоятельством, что человек живет не иначе как в обществе и, следовательно, существенно зависит от других лиц с их правами и обязанностями. Нынешние конституционные нормы нацелены на модель атомизированного общества, в котором люди есть прежде всего индивидуумы, руководствующиеся исключительно личным (частным) интересом. Из такого общества по сути дела вытрачивается нравственная подоплека и дается простор эгоизму, лживости, гонке за различными источниками обогащения в ущерб другим людям. Это хорошо просматривается всюду, где государство и право теряют свои нравственные основы, руководствуясь либерально-рыночной доктриной.

В процессе развития общества и усложнения общественных отношений появляются факторы, которые выводят эти отношения за рамки непосредственных этических оценок и норм, затрудняя нравственное поведение. Это и приводит к усложнению механизма регулирования общественных отношений посредством искусственного (правового) принуждения. Можно сказать, таким образом, что возникающий правопорядок в обществе ориентирован на соблюдение нравственных требований в условиях усложняющейся социальной системы. Подобным образом создание искусственной среды (техносферы) должно быть ориентированным на соблюдение экологических (естественных) требований в условиях усложняющейся социальной системы. Если бы право могло хорошо справляться со своими задачами, то оно могло бы изначально корректировать формы хозяйственной и иной деятельности, а не подчиняться слепо экономическому или политическому диктату. Экономика и политика сами должны подчиняться нравственным требованиям, а постольку и правовым установкам, выступающим своеобразным продолжением нравственных отношений в обществе. И если бы все было так, как должно, то возникновение нравственно ущербных форм собственности (таких, как частная и государственная) стало бы невозможным. В ходе усложнения общества, к сожалению, двинулось по ошибочному пути разрушения этических оснований жизнедеятельности, подчинив её целям насильственного захвата материальных благ посредством обмана и войн, объявив свои особые права на эти блага в качестве неприкосновенных и даже священных.

В литературе высказывается мысль, что право выступает как результат ментальности западного типа, с необходимостью предполагается западной традицией⁶. Такого рода высказывание имеет под собой определенные основания. В самом деле, либерально рыночная идеология с её культом частной собственности вносит в сознание установку на обогащение и карьерный рост как основные жизненные цели, которые следует достигать любой ценой. Люди не догадываются о том, что ценностные ориентации в рамках этой идеологии приводят к несправедливому расщеплению общества на богатых и бедных, к нарушению многих нравственных норм, что совершенно несовместимо с требованиями социального прогресса, тем более что мы уже находимся в XXI в.

То, что принято называть западной моделью капитализма, возникшей в рамках протестантской этики, чревато резким ухудшением нравственной атмосферы в обществе. Это можно трактовать как моральный кризис цивилизации, делающий общественные отношения малоустойчивыми и взрывоопасными. В условиях этого кризиса развитие правовой системы западного общества является в каком-то смысле вынужденной мерой, носящей характер принуждения и сдерживания. Право вынуждено контролировать поведенческие характеристики людей, пораженных вирусом эгоизма и наживы. Чем ниже нравственность в обществе, тем более громоздкой становится в нем система управления и правовых институтов, тем настойчивее становятся усилия по строительству так называемого правового государства. В таком государстве принцип верховенства права становится доминирующим, чтобы скомпенсировать бессилие нравственности силой права.

Проблема единства этики и права имеет давнюю историю, связанную с развитием методологии так называемого естественного права. К представителям естественно-правового направления можно было бы отнести таких ученых России конца XIX – начала XX в., как В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.А. Кистяковский, И.В. Михайловский, П.Н. Новгородцев, И.А. Покровский, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк. К сожалению, не все из них сумели преодолеть идеологию индивидуализма, рассматривающую личность в качестве источника общественных отношений. Например, Б.Н. Чичерин в тезисе о свободе индивида усматривал начала правовых отношений в обществе, полагая, что все нравственные достоинства человека основаны на свободном исполнении закона. А как быть, если сам этот закон разрабатывается в рамках методологии юридического позитивизма? Ведь в реальной действительности это не редкость.

Вместе с тем, если исходить из требований естественного права, то следует признать, что человек не должен низводиться до степени простого средства, как это имеет место в случае наемного труда в условиях частной и государственной форм собственности или тем более в условиях рабства. Право, которое низводит человека до степени средства, трудно согласовать с требованиями нравственности. Такое право заслуживает отрицания. В частности, по нашему мнению, отрицанию подлежат ст. 8 и 9 Конституции РФ, в которых допускается низведение человека до степени трудового ресурса. Человек имеет естественное право требовать отмены частной и государственной форм собственности. И хотя непризнание этих форм собственности с позитивной точки зрения выглядит как преступление, оно не может рассматри-

⁴ См.: *Михеев А.* О мониторинге развития отношений собственности в Российской Федерации // *Общество и экономика*. 2007. № 1. С. 115.

⁵ См.: *Чартаев М.* Союз собственников-совладельцев – выход из тупика // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 1997. № 4. С. 29–35.

⁶ См.: *Пристенский В.Н.* Западная ментальность и проблема инокультурного восприятия права // *Социально-гуманитарные знания*. 2009. № 1. С. 143.

ваться как зло. Власть закона, фиксируемого Конституцией РФ в ст. 8 и 9, сама по себе выглядит аморально.

Единство нравственности и права предполагает идеологию коллективизма. В рамках этой идеологии свобода личности не противостоит интересам совместной деятельности людей и не нарушает устойчивости социальной системы или общества в целом. Истоки права заключены в нравственных правилах поведения людей, определенным образом адаптированных к социальной среде и подчиненных общественным связям и отношениям. Проще говоря, истоки права заключены в коллективном бытии. Говорить о свободе личности допустимо лишь в рамках идеологии коллективизма, реально осуществляемой только в условиях кооперативной (общей долевой, цивилитарной) собственности. Личность свободна в своих действиях и устремлениях в интересах коллективного бытия, укрепляющих это бытие, улучшающих качество социальной среды. Подобного рода действия и устремления отвечают принципам нравственности. Соблюдение моральных норм обязательно для всех, и постольку можно говорить о принципе равенства. Принцип этот распространяется и на субъектов правовой системы, если она не противоречит морали. Требование личной свободы каждого должно быть уравновешено требованием общего блага. И лишь в этом случае позитивное право обретает черты естественного права⁷. Эта мысль В.С. Соловьева представляется весьма ценной и сегодня. Здесь право выступает как конструкция, которая зиждется на нравственных отношениях в обществе. Вместе с тем, право и нравственность было бы не вполне корректно рассматривать как две пересекающиеся сферы, а право – как некоторый минимум нравственности (об этом также пишет В.С. Соловьев⁸). Соотношение права и нравственности имеет, скорее, иерархический характер. Любые действия в соответствии с нормами права не должны наносить ущерба нравственным требованиям. Единство этики и права достигается лишь в обществе, реализующем отношения кооперации между людьми и право кооперативной собственности.

В нравственном обществе становится естественным стремление к так называемому социальному государству. Построение социального государства требует определенных усилий. И, конечно же, ограничиться одной только фиксацией в конституции данной установки вряд ли удастся. Придется менять весь стиль правотворческой деятельности. Этика закона должна быть столь же строгой, как и требования нравственного императива в обществе. Добиться этого не просто. Одно из предложений состоит в том, чтобы внести в работу наших государственных органов, и прежде всего в Государственную Думу, нравственное начало. Реализация данного предложения была бы возможной, если бы в состав Госдумы включить в обязательном порядке Экспертную комиссию по вопросам этического контроля процессов законотворческой деятельности. Этическая экспертиза в законодательстве столь же необходима, как, например, экологическая экспертиза, направленная на реализацию конституционного права граждан Российской Федерации на благоприятную природную среду. Права граждан РФ на благоприятную социальную среду, удовлетворяющую нравственным критериям, не менее значимы. Этого требуют интересы развития общества. Деградирующее общество теряет нравственные ориенти-

ры, неизбежно утрачивает интерес также и к экологии, поскольку экологическая этика теснейшим образом связана с нравственной атмосферой в обществе. Повторим: этическая экспертиза принимаемых законов столь же необходима, как и экологическая экспертиза, предшествующая техническим и технологическим новшествам. Нравственное загрязнение социальной среды во многом определяется правовыми технологиями, которые на сегодняшний день представляются весьма несовершенными.

Ныне средства массовой информации переполнены сообщениями о различных проявлениях мирового финансового экономического кризиса. Однако о причинах этого кризиса пишут и говорят не часто. В этой связи стоит отметить мнение американского философа и политика Ф. Фукуямы, опубликованное в газете "Newsweek" 10 октября 2008 г. Этот ученый полагает, что все дело заключается в концептуальной установке капитализма на рыночные регуляторы и отказе от государственного регулирования экономики⁹. Подлинными "регуляторами" оказались финансовые спекулянты и аферисты, использующие экономические отношения в обществе для проведения финансовых игр в качестве механизма перераспределения активов в интересах частных банков. Кризис хозяйственной системы является результатом падения морали в обществе, и прежде всего в области финансовой деятельности. Об этом говорит рост преступности в США, Европе, странах СНГ. В дальнейшем этот рост будет усиливаться. Соответственно, мы будем иметь потерю эффективности правовой системы. Ни о каком принципе верховенства права в экономике не может быть и речи, поскольку он содержит постулаты, не имеющие нравственного обоснования (например, постулирование частной собственности без каких-либо ограничений).

Можно согласиться с тем, что социальное государство не должно быть простым благотворителем для бедного населения страны¹⁰. Гораздо важнее создать механизмы, не допускающие бедность. Лишь такое государство могло бы называться социальным. Но тогда надо понять и зафиксировать в законодательстве право собственности человека на собственный интеллектуальный и трудовой потенциал, не допуская присвоения этого потенциала другими людьми. Это значит, что продукты и результаты человеческого труда, которые всегда создаются коллективными усилиями, являются общей долевой собственностью человека. Это значит, что общество должно отказаться от наемного труда, т.е. от использования человеческого потенциала по аналогии с другими производственными ресурсами. Признав все это, мы должны отказаться от права частной, а также государственной собственности, объявив во всеуслышание, и прежде всего в конституции государства, об универсальном характере кооперативных форм собственности (в том числе и так называемой цивилитарной), исключая акции и наемный труд. В этом случае общество уже не попадет в "ловушку неравенства", как это имеет место в настоящее время. Исчезнет, возможно, самая заметная "черная дыра" в конституционных основах Российской Федерации. Причем в самой правовой системе исчезнут черты юридического позитивизма и принижения нравственных оснований правовых установлений. Мы получим модель социального государства, которая должна стать естественным итогом нравственного общества, основанного, как минимум, на взаимном доверии граждан.

⁷ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996. С. 331.

⁸ См.: Соловьев В.С. Определение права в его связи с нравственностью // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1992. С. 108.

⁹ См.: Зорькин В. Право – для человека // Росс. газ. 2008. 25 нояб.

¹⁰ Там же. С. 12.